

К.И.Зубков

РОССИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III : ГЕОПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Чем более многомерным, стереоскопичным становится наше видение истории России, тем с большей определенностью в ней выделяется некий сверхиндивидуальный, недоступный злобе дня внутренний смысл, по отношению к которому все крайности и самоотрицания русской политической жизни оказываются лишь частными, подчиненными ему моментами. Подобным смутным ощущением жила вся мыслящая Россия и сто лет назад. Крестьянская реформа - "самое живое русское дело" 2-й половины XIX в. - открывала новую эпоху российской истории, по широте своих задач уже не соответствовавшую ни одному из прежних умозрительных, искусственно культивируемых идеалов - ни западническому, ни славянофильскому, хотя оттенки и того, и другого, разумеется, не могли не проявиться в новых политических направлениях. Эту мировоззренческую ситуацию в 1878 г. предельно точно обрисовал К.Д.Кавелин: "Европейские и русские предпосылки только освещают с двух сторон задачи русской жизни, которая идёт вперёд, развивается своим чередом. Ни допетровская, ни послепетровская старина не могут служить меркой для настоящего и грядущего; и та, и другая войдут в них только как составной элемент, как историческое данное"[1].

Между тем, с этой формулой, помещавшей Россию в качественно новый - модернизационный - контекст развития, не только не снимались, но и множились острые общественно-политические вопросы. Какими темпами, в какой очередности и каком направлении должны проводиться общественные преобразования? До каких необходимых пределов должна была сохраняться правительственная опека над двинувшимся к свободе русским народом? Как должны были соотноситься с либерально-европейскими

критериями прогресса традиционные начала русской жизни? Наконец, в чём собственно состоял тот "средний", не совпадающий ни с одной из умозрительных доктрин культурно-самобытный российский путь развития, основанный на реальном опыте национальной истории, о котором говорит К.Д.Кавелин?

Разность ответов на эти вопросы предопределялась тем, что, в силу трагической раздвоенности русского культурного самосознания, либерально-буржуазные реформы 1860-х - 70-х гг. инициировали разноскоростные процессы кристаллизации социально-политических позиций русского общества, его отдельных сословий и социальных групп. Это закономерно порождало глубокий идейный и психологический разлад во всей общественной системе. А.Ф.Тютчева, непосредственно наблюдавшая жизнь императорского двора в период "Великих реформ", тонко подметила тот диссонанс, который интуитивно ощущался между чистосердечно возложенной на себя Александром II миссией Царя-Освободителя и традиционными народными представлениями о грозном и всеильном самодержце: "Прекрасные реформы царствования Александра II, мягкость, великодушные его характера должны были бы обеспечить ему восторженную любовь его народа, а между тем он не был государем, популярным в истинном смысле слова; народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нем самом совершенно отсутствовала национальная и народная струна, и в благодарности за все благодеяния, оказанные им России, в величественном поклонении, оказанном его памяти, чувствуется скорее влияние рассудка и оценка разумом, чем непосредственный порыв чувства масс" [2]. На другом общественно-культурном полюсе в это же время зрел гораздо более глубокий, уже рационально осмысленный конфликт. Либеральный эксперимент правительства, призванный через создание новых гражданских институтов создать единение власти и новой внесословной общественности, быстро нарождавшейся в России, в конечном итоге развязал такую стихию антигосударственного интеллигентского экстремизма, что восстановление твердого государственного порядка стало казаться единственным средством спасения страны и культуры даже бывшему радикалу Н.Г.Чернышевскому [3]. Различные сегменты российского общества оказались далеко разнесенными на оси политического времени. Самодержавная власть далеко опережала в осознании сути и смысла проводимых реформ консервативную крестьянскую массу, в то время как революционная интеллигенция, претендовавшая на особую,

метафизическую близость к народу, стремилась форсировать развитие России к европейским формам жизни и даже - с помощью специфически русской, теоретически выстроенной "диалектики отсталости" - перешагнуть через них - напрямком в царство социалистической утопии. Всё более выраженное сектантство народников, постепенно фокусировавших свою революционную энергию на сомнительно-циничной идее давления на правительство путем террора, в конце концов обеспечило монархии моральное превосходство и возможность перехватить у либералов и открытых революционеров инициативу в определении путей реформирования общества.

Произошедшая при Александре III стабилизация политического режима самодержавия во всей его видимой полноте и неизбежности была во многом жестким ответом на 1 марта 1881 г. и поэтому не могла не принять форму решительного восстановления политической и социальной иерархии, известной реанимации охранительной дисциплины и порядка. Русский беллетрист Г.И.Чулков, известный своими психологическими (впрочем, изрядно памфлетизированными) зарисовками личностей российских императоров, довольно точно реконструировал рассудочную логику, определявшую политическую линию нового царствования: "Итак, враг непримирим. И если прав Михаил Таризович (Лорис-Меликов. - К.З.), и революционеры в самом деле готовы на всё, даже на мученичество, то какие же уступки могут успокоить и удовлетворить этих людей? Не очевидно ли, что нигилисты мечтают о чем-то более серьезном и окончательном, чем приглашение земских деятелей на петербургские совещания? "Конституция" Михаила Таризовича покажется им, пожалуй, жалкой подачкой, и она послужит им поводом для новых выступлений" [4].

Однако импульсы к реставрации во многом вызывались и изменившимися условиями эпохи. "Глухое время", "погружение в сон", "реакция", "контрреформа" и т.п. обобщения и метафоры, которые раньше преподносились как исчерпывающие характеристики царствования Александра III, на самом деле мало соответствуют исторической действительности, а если и соответствуют, то только в плоскости политических дилемм (например, "самодержавие" versus "конституционализм"), вытекающих из упрощенной либерально-революционной схемы исторического прогресса. Последняя же исходила из чисто пропагандистских представлений о самодержавии как о реликте азиатского деспотизма, абсолютно регрессивной,

невежественной, инертной силе, исподволь, *post factum* приспособляющейся к объективным тенденциям развития общества.

В действительности же последним десятилетиям XIX в. соответствовали более сложные закономерности развития - как всего мира в целом, так и России. Совпадавшая с этим периодом завершающая фаза формирования нового мирового капиталистического хозяйства была связана с ускоренным процессом дифференциации и новой группировки всех без исключения стран и мегарегионов по двум полюсам развития: ведущим экономическим центрам и питающей их зависимой периферии ("мировой деревни"). Решающим условием выдвижения тех или иных стран в число ведущих центров мировой экономики являлось, с одной стороны, наличие устойчивого ресурсно-физического базиса развития, с другой, всеобъемлющая способность к новациям и стремительным "революционным" изменениям в экономике, социальных отношениях, культуре - то, что можно обозначить как "модернизм". Как подчеркивают А.Кихано и И.Валлерстайн, быстрее всего модернизация происходила в тех странах, где до этого в основных позициях была преодолена инерция добуржуазных отношений (Западная Европа), или там, где благодаря отсутствию предшествующей исторической традиции вместо болезненной перестройки экономических и политических институтов происходило их соединение *ex nihilo* - уже целиком на основе модернизма (США) [5]. Все другие страны оказывались в рамках мирового хозяйства обреченными на периферизацию, и единственным их способом сопротивляться оттеснению на периферию и культурному порабощению в этих условиях должны быть только сильные элементы традиционализма (крестьянская община, аристократия и т.п.). Для России, чье державное величие продолжало основываться на прежних, добуржуазных предпосылках и институтах, а громадные пространственные и ресурсные возможности были сопоставимы с американскими, главный вопрос развития в этих условиях сводился к тому, насколько традиционализм (и в первую очередь - охранявшая его во всех социально-политических и культурных проявлениях самодержавная власть) мог стать активным и мобилизующим фактором модернизации страны. Соединение традиционализма и модернизации, которые являются взаимоисключающими лишь для схоластического, оторванного от реальности мышления, исторически возможно и даже продуктивно (на что указывает в XX в. опыт "новых индустриальных стран"), но всегда противоречиво, чревато как

энергичными, форсированными прорывами в экономике, науке, технологии, так и торможением спонтанно развивающихся на почве капитализма социокультурных сдвигов, расширяющих фронт модернизации и её социальную базу. В этих условиях успех политики "консервативного модернизма" всецело зависит от того, насколько сильное авторитарное государство может быть просвещенным, проникнутым общенациональными (а не своекорыстными, самодовлеющими) целями развития, и от того, насколько совершенным является геополитический и культурный "проект", лежащий в основе этого развития.

По своим сути и смыслу данная парадигма развития глубоко индифферентна по отношению к истощенному политическому спору о достоинствах охранительного и либерального идеалов. Недостаточное осознание этого приводило современников к весьма упрощенным взглядам на политическую альтернативу, предвещающую царствование Александра III: или европейский реформизм, или "самодержавное царствование в Москве". История оказалась много сложнее. Александр III "выбрал второй путь, в известном смысле не отказываясь от первого: он постарался стать царем Московским в Петербурге, в условиях империи и развивающегося капитализма"[6]. О второстепенности и производности проблемы либеральных реформ в системе ценностей, определявших политику Александра III, свидетельствует и С.Ю.Витте: "В последние годы своего царствования Император Александр III ко многим вопросам относился уже иначе, нежели в первые годы своего царствования; выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным. Я уверен в том, что Император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма..." [7].

Двойственность восприятия личности и правления Александра III, усиливаемая редкой безапелляционностью и законченностью оценок, свидетельствует всё-таки о масштабности этой исторической фигуры, всегда представавшей в новом свете под тем или иным политическим углом зрения. С позиций своего интеллектуального высокомерия либералы воспринимали его как "человека реакционного, как человека жестокого, как человека ограниченного и тупого" [8]. В то же время и политика Императора Александра III формировалась как явная или скрытая беспощадно-конструктивная критика самых слабых и ущербных сторон либерально-народнического мировоззрения: его умозрительной абстрактности, бесплодных идеализаций, партийной узости,

доктринального космополитизма. С этой точки зрения гораздо важнее образованности и внешней утонченности оказывались простые и бесхитростные черты характера Александра III, как идущие от его великого "царского сердца", так и живо напоминающие обычные мещанские добродетели: благородство, высокое чувство ответственности, честность, прямота, строгость к себе и своим подданным, бережливое отношение к государственной казне, инстинкт настоящего хозяина-домоустроителя и - главное - "выдающийся ум сердца", способный "предвидеть, предчувствовать и предопределять" [9].

Возможно, именно поэтому характер внешней и внутренней политики Александра III, как отпечаток самой личности монарха, не поддается однозначным определениям в банальных категориях социально-классового анализа, и, в особенности, при всем консерватизме политического курса, не может трактоваться как исключительно продворянский и антибуржуазный. Каждый шаг этой политики, во многом, действительно, основывавшейся на интуитивных прозрениях, наитиях, искренних эмоциональных реакциях и одновременно - на всевластии государственной бюрократии, неизменно подчинялся прагматической, но от этого не менее настойчиво преследуемой цели - имперскому величию России, залогом которого, в понимании Александра III, могло быть только сильное единоначалие, традиционными иерархическими устоями и общественным спокойствием самодержавное государство. Совместить эту метафизически величественную цель с реалиями нового, динамичного века - века модернизации - можно было только при условии, что обладающая твердой волей монархия сверхнапряженными усилиями сможет опекать и энергично подталкивать к развитию каждый сегмент национальной жизни, учитывать и своевременно разрешать - естественно, в границах своего понимания и в соответствии с общим "проектом" - нужды и проблемы каждого сословия.

Эта роль монархии уже не напоминала в чистом виде прежний абсолютизм, базирующийся лишь на всепроникающем могуществе разросшейся бюрократии: усилившаяся правительственная опека над экономической активностью традиционных сословий и новых хозяйственных групп, заинтересованное и личное участие монарха в определении стратегических направлений экономической модернизации всё больше напоминали отдельными чертами не древнюю патриархальность или отстраненный фискальный

паразитизм абсолютистской бюрократии, но корпоративизм и патернализм "государства-экономиста" XX в. Особенно наглядно эти тенденции проявились в корпоративной организации под патронажем правительства отраслевых групп промышленных компаний. В период царствования Александра III повсеместным явлением становятся съезды промышленников. С 1884 г. по испрошению Министерства государственных имуществ ежегодно проводились съезды нефтепромышленников с участием местных горных чинов, представителей железнодорожных управлений и пароходных обществ, что позволяло в условиях жесткой внешней конкуренции вырабатывать общую, согласованную, учитывающую широко понимаемые национальные интересы России стратегию добычи, переработки и транспорта нефти - важнейшего ресурса наступающего индустриального века. В 1885 г. в Санкт-Петербурге для "выяснения положения нашей железной промышленности и мер к восполнению ей" состоялся съезд железозаводчиков России. Один из современников высоко оценивал значение проводившихся в этот период районных съездов горнопромышленников, посвященных вопросам развития частного горного промысла: "Польза от съездов несомненна: горнопромышленники знакомятся на них между собою, обмениваются мыслями и выясняют взаимно собственные нужды; правительство же получает возможность узнать эти нужды от самих заинтересованных сторон" [10].

Осуществляемая таким способом интеграция национальной промышленности, закладывавшей новый силовой базис России, во многом отвечала личному подходу Александра III к хозяйственным вопросам государственной важности. Подобно Императору Николаю I, Император Александр III, по отзывам современников, рассматривал Российскую Империю как вверенную ему Богом и предками наследственную вотчину, нуждающуюся в энергичном и рачительном хозяине, а ее государственную казну - как тщательно берегаемый собственный капитал [11]. Этим обеспечивались, несмотря на все тревожения царствования, поразительные цельность и последовательность правительственного курса, его подчеркнутая геополитичность, то есть подчинение всей иерархии частных и групповых интересов, в том числе интересов императорской семьи, интересам высшим, общенациональным.

Учитывая этот особый стиль экономического мышления, легче понять и мотивы тех мероприятий Александра III, которые заслужили ему репутацию ретрограда, откровенного реставратора

крепостничества: настойчивую поддержку дворянского землевладения, положение о земских участковых начальниках 1889 г., закрепление дворянских привилегий в новом положении о земских учреждениях 1890 г., запрет на продажу и залог крестьянских наделных земель в 1893 г. Характерно, что, будучи прямым отрицанием элементарных норм бюрократического легализма, многие из этих мер получили критическую оценку не только со стороны таких прагматиков модернизационного курса, как С.Ю.Витте, но и со стороны консерваторов ещё больших, чем император, например, К.П.Победоносцева. В известном контрасте эти охранительные мероприятия находились и с трезвыми решениями правительства, направленными на укрепление крестьянского хозяйства (понижение в 1881 г. выкупных платежей с крестьянских наделных земель, учреждение в 1882 г. Крестьянского поземельного банка, понижение, а затем и отмена в 1883-1885 гг. подушной подати с крестьян) [12]. Между тем, логика консерватизма в подходе к поземельным отношениям становится более понятной и резонной, если помещать ее в более широкий контекст жизнедеятельности всего государственного организма Российской Империи в пореформенную эпоху. Более чем вероятно, что Александра III тревожили и угнетали мысли, созвучные опасениям его современника, выдающегося писателя и философа, "певца реакции" К.Н.Леонтьева, - мысли о "разрушительном смещении и о слишком ускоренном движении жизни, собственности и т.д." В качестве средства сдерживания слишком "подвижного капитализма", капитала "вольного, неприкрепленного" (а значит, хаотично-разрушительного, пошло-вёрткого и бессердечного, если вспомнить К.Маркса, к традициям и святыням) К.Н.Леонтьев считал необходимым земельную собственность "прикрепить законом с двух концов: со стороны самой крупной и стороны самой мелкой", то есть привилегированной дворянской и крестьянской общинной. И только в "просветах" этого достаточно жёсткого каркаса традиционной социальной и политической иерархии возможно, по К.Н.Леонтьеву, безопасное для имперских устоев, не перерастающее в революционную антитезу функционирование вольного капитала - "собственности купцов и разночинцев" [13]. Любопытно, что и прогрессист С.Ю.Витте, склонный относить меры, предпринятые Александром III по крестьянскому и земскому вопросам, к чистосердечным, "душевным" заблуждениям монарха, отмечал, что в основе этих решений лежал не столько узкосословный подход, сколько всеобъемлющий проект упорядочения жизни русской деревни,

предполагавший, что "вся Россия будет разбита на земские участки, что в каждом участке будет почтенный дворянин, который пользуется в данной местности общим уважением, что этот почтенный дворянин-помещик будет опекать крестьян, судить их и рядить" [14]. Если же при этом учесть год от года всё более тревоживший правительство процесс "оскудения центра", то попытки Александра III усовершенствовать аграрные отношения в Европейской России при помощи подобной всепроникающей "культурной" опеки становятся объяснимыми и геополитически.

С духом хозяйского устройства и упорядочения имперского "дома", всей его мозаичной множественности хозяйственных, административно-политических и культурных форм, было связано и присущее Александру III обостренное чувство национальной почвы и национальных интересов во всей гамме их геополитических, экономических и культурно-символических выражений. Именно в период правления Александра III - фактически с завершением Ахалтекинской экспедиции в 1881 г. и присоединением Мерва в 1884 г. - многовековая российская экспансия иссякает, и на первый план естественным образом выдвигаются интересы рациональной организации управления империей, её территориально-экономической связности. Эта смена приоритетов имела одной из своих качественных особенностей заметный рост национального русского самосознания, во-первых, развивавшегося теперь на собственной культурно-исторической и реально-жизненной (а не только мифолого-литературной) основе, с вполне осмысленным обособлением и выделением национально-государственных интересов России, во-вторых, гораздо более трезвого и прагматичного, чем у старых славянофилов с их месснянскими грезами. С 1871 г., с момента выхода в свет книги Н.Я.Данилевского "Россия и Европа" [15], Российская Империя сначала идейно, а в период правления Александра III уже и практико-политически отграничила свои особые интересы от интересов и Европы в целом, и её отдельных коалиционных группировок. Эта сдержанная, полная достоинства и сознания собственной силы позиция не только обеспечила России при Александре III один из редких в её истории мирных периодов, но и способствовала росту международного престижа страны, позволяя ей до известной степени управлять стратегическим балансом сил на Европейском континенте. Отстраняясь от Европы, Россия геополитически - в частности, управляя франко-германским

антагонизмом - смогла уравновесить собой весь этот континент с его внутренними раздорами и противоречиями, а не только одну из европейских держав [16].

Всё более усиливавшаяся германофобия Александра III, питаемая и личными, и государственно-значимыми соображениями, заставила его в конечном счёте пойти на заключение франко-русской военной конвенции 1893 г. Однако это событие нельзя трактовать в императивном смысле и, в особенности, как неизбежный пролог к вовлечению России в будущую мировую войну [17]. И обсуждения франко-русского военного союза в российской прессе, и первые, заискивающие шаги французов в его направлении [18] ясно показали, что (и в этом были едины и либеральный "Вестник Европы", и консерватор К.Н.Леонтьев) этот союз, означавший для Франции вопрос жизни и смерти, для России - при продолжении характерной для Александра III линии политического эгоизма - мог по-прежнему оставаться тактическим, второстепенным, не требующим немедленного вмешательства в европейский конфликт.

В геополитическом смысле правление Александра III определило в формирующейся политике "консервативного модернизма" отчетливую линию на самодовлеющее развитие, предполагавшую приоритет интересов создания сильной и независимой России перед любыми ее международными связями и обязательствами. Выражением этого был своеобразный стихийно-почвенный национализм императора (сродни бесхитростной леонтьевской формуле: "И что за вздор: Россия Ксеркса или Христа? Россия - России - вот что нужно" [19]), его подчас нарочитая, не всеми воспринимавшаяся без иронии "русскость". Эпоха Александра III продемонстрировала многообразие культурных символов, которые полагались в качестве идеологической основы сохранения самобытно-русского пути развития (старомосковский "русский стиль", византизм, панславизм, "почвенничество" и др.) Однако доктринальная аморфность и малопродуктивность этих течений с точки зрения более или менее органичного, бесконфликтного соединения традиционализма и модернизации вела к тому, что в политической практике, в частности, в области административного устройства России, ультра национализм Александра III приобретал направление грубой насильственной русификации (как это было в Польше, Прибалтике, Туркестане, на

Кавказе [20]), или чисто бюрократической унификации политической и многоукладной структуры страны, приведение ее в соответствие идеалу чистого "империума".

Гораздо более конструктивной и дальновидной, возможно, в решающей степени определяющей общий прогрессивный итог царствования, была политика экономического национализма, с помощью которой правительство Александра III стремилось обеспечить глубоко национальный характер промышленного развития страны, последовательно превращая Россию в единый хозяйственный организм. При всей сложности чисто экономической оценки фритредерства и протекционизма, зависящей от множества переменных, промышленная политика Александра III в качестве безусловного позитивного итога имела создание устойчивого геоэкономического базиса страны, что в перспективе оказывалось гораздо более ценным, чем бесхарактерное следование текущей экономической конъюнктуры. Решительная протекционистская политика (в частности, повышение пошлин на импорт топлива и чугуна) позволила в короткие сроки переориентировать приморские районы Южной России на потребление донецкого угля, стимулируя таким образом общее развитие Донбасса, усилила связи передельных металлургических заводов России с отечественным чугунолитейным производством, в том числе обеспечила более тесное и гибкое взаимодействие казенного и частного секторов российской промышленности [21]. В территориально-экономическом разрезе эта политика обеспечила прогрессирующую интеграцию приморских районов и промышленно развитых, экономически полунезависимых и потому проблемных окраин (Польша, Финляндия) в единый поток национальной экономической жизни [22]. Тщательным пересмотром условий деятельности в России иностранных компаний и акционерных обществ в 1880-е гг. была заложена институциональная база для постепенной и безболезненной "ассимиляции" иностранных капиталов в русскую промышленность [23].

Возобновившееся при Александре III с новой силой железнодорожное строительство получало всё более отчетливую хозяйственную направленность, превращая Россию из классической военно-бюрократической империи в единое экономически взаимосвязанное "большое пространство". Особенности экономической политики правительства Александра III ярко высветили остро обсуждавшийся в 1880-х гг. русским обществом вопрос о судьбе частных железных дорог. Выкуп казной частновладельческой

железнодорожной сети позволил правительству решить сразу две стратегические задачи: во-первых, получить в руки эффективный инструмент косвенного регулирования общих условий производства и сбыта продукции, и, следовательно, оптимального территориального размещения промышленности, и, во-вторых, реально выработать как образец - на бесконфликтной, общепримирующей основе - политически приемлемую форму и меру сопряжения традиционно сильной в России экономической роли государства с деятельностью частнокапиталистического сектора [24]. Наконец, своеобразной "геополитической революцией", свершенной волей и усилиями монарха-консерватора, стала для России прокладка Транссибирской железнодорожной магистрали, впервые обеспечившей надежную связь центра страны с ее далекими восточными окраинами. Лишь обретя Трансисб, Россия в стратегическом и экономическом отношении могла мыслиться как единое неразделимое целое - именно так, как её неизменно рассматривал в своей деятельности Александр III. Характерно, что для последнего магистраль являлась не только чисто экономическим проектом: решительный отказ Александра III использовать при строительстве дороги иностранные, в частности, французские кредиты [25] выдаёт в нем одновременно и рачительность настоящего хозяина, и ум стратега, и высокое аристократическое понятие национальной чести.

Обозревая многогранную государственную деятельность Александра III, вряд ли возможно рассматривать её, как это делалось раньше, лишь как нагромождение неразрешимых антагонистических противоречий между старым и новым, приведших в дальнейшем, при его преемнике, к краху Российской Империи. Напротив, скорее следует согласиться с сутью и пафосом оценки С.Ю.Витте и признать, что в лице Александра III России реально давался редчайший шанс выработать свой собственный - самобытный, органический, отмеченный осторожным градуализмом - путь модернизации, при котором консерватизм диалектически превращался из тормоза развития в фактор роста национальной политической и экономической мощи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. - М., 1989. - С.420.

2. *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник, 1853-1882 гг. - Тула, 1990. - С.339.
3. *Колеров М.* Дитя несвободы: Рождение и смерть интеллигенции // Знание - сила. - 1992. - № 2. - С.108.
4. *Чулков Г.* Императоры: Психологические портреты. - М., 1991. - С.262-263.
5. *Кихано А., Валлерстайн И.* Роль Американского континента в современной мировой системе, или Концепция Америки // Международный журнал социальных наук. - 1993. - № 1. - С. 125-126.
6. *Чернуха В.Г.* Александр III // Вопросы истории. - 1992. - № 11-12. - С.57.
7. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. - М., 1991. - С.270.
8. Там же. - С.264.
9. Там же. - С.265.
10. Горный журнал. - 1888. - Т.1. - С.12, 17.
11. *Чернуха В.Г.* Александр III. - С.61.
12. *Пушкарёв С.Г.* Обзор русской истории. - М., 1991. - С.332, 335.
13. *Леонтьев К.Н.* Избранные письма 1854-1891 гг. - СПб., 1993. - С.336.
14. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. - С.195.
15. См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. - М., 1991. - С.445-446.
16. *Леонтьев К.Н.* Избранные письма. - С.365.
17. *Чернуха В.Г.* Александр III. - С.63.
18. *Слонимский Л.З.* Франко-русский союз и международные иллюзии // Вестник Европы. - 1887. - Кн.8. - С.808-810. См. также оценку К.Н.Леонтьевым визитов П.Дерулёда в Россию в 1886 и 1887 гг. (*Леонтьев К.Н.* Избранные письма. - С.443).
19. *Леонтьев К.Н.* Избранные письма. - С.492.
20. *Пушкарёв С.Г.* Обзор русской истории. - С.333.
21. Горный журнал. - 1888. - Т.1. - С.10-11.
22. Там же. - С.11.
23. Горный журнал. - 1889. - Т.1. - С.XIV-XVI.
24. См.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия: М.Н.Катков и его издания. - М., 1978. - С.75-81.
25. Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т.II. 1887-1892 гг. - М., 1966. - С.422.